

Сингулярность любви в постметафизическом измерении: вопросы метода

Сегодня мы сталкиваемся с радикальным переосмыслением оснований социально-гуманитарного познания как ответом на фундаментальные изменения антропологической и общественной реальности. Сложность вопрошания о человеке в современном научном и философском дискурсе обусловлена отказом от классических канонов метафизического мышления, которое предполагает субстантивацию и необоснованную универсализацию статичных антропологических опытов, рассмотренных сквозь призму гипотезы об их качественной неоднородности или противоположности субъекта и объекта. Теоретическая модель социальной системы, которая состоит из множества локальных диспозитивов, функционирующих по заранее известным, предсказуемым сценариям и предписывающих абстрактным самотождественным индивидам линейные схемы социальной адаптации, также обнаруживает свою концептуальную несостоятельность.

Становление гетерогенной, множественной социальности, в границах которой оказываются задействованными многообразные репертуары производства субъективности, дифференцированные в зависимости от многофакторных и ситуативно определяемых контекстов деятельности, приводит к тому, что отношения между властью и индивидом приобретают открытый, качественный и аффективный характер. Легитимность политического порядка перестает создаваться исключительно путем институционального опосредования, но постигается напрямую во всем своем многообразии. Диффузные инвестиции власти актуализируют различные варианты отношений между телом и его символическими репрезентациями, они разрывают онтологически мотивированные связи между ними. В этих условиях всеобщей нестабильности растет ощущение экзистенциального вакуума и пустоты, одиночества и страха, феноменологически обнаруживаемое в структурах повседневности, а также в дискурсах культуры. Трагический и травматический опыт «экзистенциальной негативности», болезненная диалектическая драматургия, с которой ассоциировалось переживание любви в эпоху репрессивного господства гендерной поляризации, постепенно лишается своих культурных, психосоциальных и биоматериальных оснований. Тем не менее, нарастающие в постсовременных обществах реактивные неутралистские тенденции, агорафобия, цинизм и безразличие не позволяют актуализировать возможность утверждения творческого опыта любви как коммунитарного и сингулярного события бесконечно различных, но топологически равных. Отказ от тождества фаллоцентристского «синтеза», снимающего асимметричную тревогу «господина» и «раба» в финальной инстанции, приводит к «нулевой степени», отрицательному рассеянию и бесконечной дифракции антропологического опыта, неспособности к установлению творческой со-в-местности бытия как ускользающего от тотальности. Мы – шизоидные фракталы, постчеловеческие антинациональные гибриды, чуждые самим себе, однако до сих пор наша «бездомная» революционная энергия не может конституироваться в праздник взаимной встречи, обрести деконструктивную силу океанической любви как бескорыстного дара. Мы все еще остаемся нигилистическими телесными мигрантами, у которых нейтрализовано трансцендентальное воображение, но которые не сумели трансгрессировать к позитивному номадическому становлению, безосновной мутации. Бесконечные тропы любовников должны сформировать экспериментальный этос *по ту сторону* капитала, государства, традиции и семьи, где они смогут обмениваться не вещами и своими отчужденными образами, центрированными на универсальных посредниках стоймости, но эмоциональными и экзистенциальными переживаниями *за пределами меры*.

Причины возникновения и динамика развертывания указанных явлений требуют осмысления при помощи методологий, свободных от метафизического, биологического или социально-конструктивистского редукционизма; кроме того, они должны учитывать нелинейные влияния со стороны микрополитических контекстов, в которые погружены

новые антропологические и гендерные практики. Для выяснения условий применимости этих методологий необходимо проводить теоретический анализ, связанный с динамическим раскрытием и конкретизацией понятий пола, гендера, желания, сексуальности и власти, конфигурации которых позволят по-новому осмыслить центральный концепт «любви».

Трудности заключаются здесь в том, что данный концепт прочно ассоциирован с позитивистским дискурсом натурализма или метафизическими нарративами. С другой стороны, постмодерну как историко-культурному и дискурсивному явлению или способу самоописания исторического опыта постсовременной социальности, посвящаются исследования различных уровней, однако вопрос о его человеческом измерении остается не вполне осмысленным. Ряд причин данной теоретической ситуации связан с постструктуралистской деконструкцией дисциплинарного поля философской антропологии, в границах которой обосновывалось привилегированная гуманистическая и антропоцентрическая позиция. Работа в этом направлении, начатая в 19 столетии К. Марксом, З. Фрейдом и Ф. Ницше, оказалась решающей для того, чтобы, выражаясь словами М. Фуко, классический образ человека начал исчезать как «лицо, начертанное на песке».

Вместе с тем, именно после утверждения современной эпистемы возникла возможность альтернативной проблематизации антропологического опыта в терминах постметафизической и постпозитивистской социальной теории. Более того, он был впервые открыт для исследования и феноменологического описания с позиций неклассической рациональности, открывающей новые перспективы для обсуждения вопросов культуры, идеологии или власти. Человек, рассмотренный не как самотождественный трансцендентальный медиум, функционально гарантирующий истинность познавательных актов в отношении природы, но в качестве существа расколотого, телесного, смертного и говорящего, должен был внести существенные изменения в методологические основания социально-гуманитарного познания.

Частичным отражением этих изменений выступает возникновение и активное развитие во второй половине XX и начале XXI столетия гендерных исследований. Их предметом является сексуальная микрополитика в условиях крушения эссенциалистских концепций идентичности и легализации в европейских сообществах миноритарных дискурсов, на полных правах включившихся в процесс производства разомкнутой постдисциплинарной субъективности. Тем не менее, конструктивистские версии социальной теории, раскрывающие механизмы производства тел и желаний, упускают из виду важнейшую тематику, связанную с экзистенциальным измерением человеческого бытия. Что же касается вопроса о том, какую структуру и динамические характеристики приобретает экзистенция в условиях, когда рушатся последние барьеры, отделяющие человека от «плана имманенции», тех властных инвестиций, нетелесных универсумов и машинных потоков, о которых писали Ж. Делез и Ф. Гваттари, то он, как правило, вообще не поднимается, поскольку нормативный антропоцентрический идеализм классической философской традиции не приспособлен для концептуализации неклассических объектов подобного рода.

Речь, таким образом, должна идти о разработке нетривиального исследовательского подхода, способного преодолеть метафизические, натуралистические и социологические стереотипы, отказавшись от классических канонов аргументации. Любовь как феномен культуры необходимо подвергнуть реинтерпретации и детривиализации, освободить от самоочевидных коннотаций, по-новому поставить вопрос как об ее эмпирической возможности, так и о методологических трудностях ее теоретической проблематизации, вырабатывая новый философский язык, который бы соответствовал критериям неклассической рациональности.

Для того чтобы показать неприемлемость определения феномена любви в постсовременных обществах и на фоне актуальных вариантов гендерного и антропологического производства исходя из метафизических, натуралистических или социально-конструктивистских схематизмов, нужно решить, по меньшей мере, следующие задачи:

1. Изучить сущность натуралистического, метафизического и социально-конструктивистского редукционизма как способов установления мотивированных связей между полом, гендером и желанием и легитимаций тех или иных феноменологических версий любви в биополитических репертуарах субъективации. Для этого необходимо проанализировать соответствующие дискурсы и показать ущербность их логики, выявляя особенности построения, то есть подавления альтернативных возможностей флуктуативного развертывания и имманентного порождения смысла.

2. Раскрыть специфику гендерного производства и репрезентации тела в условиях деонтологизации общества, становления постсовременного культурного и производительного порядка и исчерпанности модернистской парадигмы рациональности как способа самоописания новой социальной, экзистенциальной и антропологической реальности.

3. Проблематизировать феномен любви в контексте постсовременных репертуаров гендерного конструирования как сингулярный и трансгрессивный опыт недialeктического различия. Пространственно-временной континуум любви в этом случае предстает как событие экзистенций, где отношения между «мужественностью» и «женственностью» не даны изначально как трансцендентальные означаемые, но конституируются тем или иным образом в процессуальных жестах контекстуального саморазличения.

Замысел, таким образом, должен заключаться в том, чтобы зафиксировать ситуацию несовпадения прямых соответствий между категориями пола, гендера и желания. Деонтологизируя гендерные схематизмы, следует показать динамику нестабильного экзистенциального опыта в контексте разрывов идентичности и гетерогенных инвестиций власти. При этом «любовь» необходимо понять как такой тип переживания, который потенциально содержит в себе возможность разрушения эгологического тождества либо конструктивистски обусловленных (мотивированных) связей между знаком тела и его денотатом. В такой интерпретации любовь оборачивается утопичным и непредставимым событием, функцией онтологически расщепленной субъективности и может быть понята как процессуальность перманентно обновляемой межличностной связи посредством фрактальных различий внутренних опытов индивидов в социальном пространстве и времени. Любовь, кроме того, на этом этапе обнаружит свои многомерные и противоречивые отношения с постсовременными репертуарами гендерного конструирования, которые все больше стремятся соответствовать указанным моделям социального гетерогенеза.

Еще раз подчеркнем: мы не апеллируем к априористским и биоэссенциалистским теоретическим моделям в противовес некорректно понятым доктринам социального конструктивизма – в обоих случаях они методично воспроизводят фаллократию, гомофобию и сексизм, встраиваясь в дискурсы культуры и общественные институты. Напротив, задача заключается в деконструкции скрытых подмен, в результате которых практически любой аспект человеческого опыта предстает перед нами в неразрывной связи с половыми особенностями. Неразрешимость репрезентации «утопического» опыта любви не означает, что мы исследуем его субстантивированную невозможность как таковую. Незамутненная аутентичность существования всякий раз оборачивается пустотой и смертью. Поэтому акцент необходимо сделать на динамике недialeктических корреляций между логико-рациональными конвенциями символической гендерной системы, с одной стороны, и нередуцируемыми аффективными выражениями, остающимися в необходимом состоянии забвения, но оказывающими влияние на процесс их трансформации, с другой. Это позволяет включить исследование феномена любви в широкий контекст постметафизических и постструктуралистских версий философствования, обосновывая его возможность гетерологической методологией.

Прагматически наш интерес вызывают преломления жизненного мира человека в пространстве гендерного кода социальности. Данное обстоятельство приводит к необходимости метатеоретического осмысления того, как соотносятся между собой доктрины социального конструктивизма и аффективно-телесный опыт практик

субъективации. Работа, проведенная в данном направлении, позволяет, прежде всего, конкретизировать специфические особенности «институциональной рефлексивности» (Э. Гидденс) в «обществах контроля». Это означает, помимо прочего, что практическое применение наук о человеке, в частности, психотерапевтические ритуалы нормализации и стигматизации, академические институты, легитимирующие их истинность, должны осознать присущую им политичность. Неравенство социально и психологически воспроизводится, и культурная фокусировка на редуцированном из социального контекста «патологическом» индивиде вольно или невольно сохраняет нетронутыми интересы тех групп, которые уже имеют привилегированные позиции в обществе. Поэтому используемая нами методология, акцентирующая внимание на невозможности мыслить изолированного индивида или априорную социальную тотальность, является не только средством переосмысления концептуального пространства философского и социально-гуманитарного знания, но и критическим проектом, отражающим микрополитические реалии и ставки постсовременной эпохи.